

6) Выполнение программы произвести в 20-ти летний срок, так как более короткий срок не посилен для средств государственного казначейства“.

В 1883 г. было приступлено к осуществлению этой программы и были заложены для Балтийского моря: 1 броненосец, 1 крейсер 1 ранга и 2 крейсера 2 ранга.

Однако, быстрое усиление флота Германии не давало возможности ждать истечения 20-ти летнего срока, установленного для программы 1881 года. Уже в 1885 году морское ведомство было принуждено поставить вопрос о необходимости ускорить судостроение. А так как для линейных судов это представлялось невозможным, то были выдвинуты паллиативные идеи создания в короткий срок минного флота, более дешевого и скорее могущего быть построенным.

Начальник главного морского штаба адмирал Чихачев подал записку ¹⁾, в которой доказывал, что постройка минного флота является единственной возможностью борьбы с быстро растущим германским флотом. Он указывал, что при господстве последнего на море участь войны будет зависеть от исхода борьбы на сухопутном театре военных действий, задача же Балтийского флота сведется к недопущению высадки десанта, и что это может быть выполнено минным флотом самостоятельно.

Собранное по этому поводу весной 1885 г. междуведомственное совещание постановило ²⁾:

а) Политическое положение России требует немедленного создания оборонительного флота;

б) программа 1881 года не вполне отвечает морским потребностям государства;

в) необходимо озаботиться постройкой минного флота, дабы не оказаться слабее в этом отношении морских соседей, в особенности Германии, которая уже ассигновала кредит на постройку 150 миноносцев; в соответствии с этим, выстроить:

1) 55 миноносцев,

2) 10 контр-миноносцев,

3) 1 крейсер,

4) 6 канонерских лодок для Черного моря и Владивостока;

г) приступить к их постройке немедленно и выполнить ее в срок не более 5 лет, как на русских (преимущественно), так и на иностранных заводах;

¹⁾ Арх. Истор. Части М. Г. Ш., дело № 15.

²⁾ Там же.

д) изменить программу 1881 года, уменьшив ее на 8 броненосцев (6 от Балтийского моря и 2 от Черного), продолжая строить остальные;

е) ассигновать 22 миллиона на немедленное выполнение постройки минного флота, распределив их на 5 лет.

Примечание. Это же совещание постановило, по представлению военного ведомства, для Черного моря построить 6 миноносцев и 6 канлодок для обеспечения движения транспортов с десантом (см. гл. III).

Таким образом, новая программа судостроения 1885 года для Балтийского моря выразилась в следующем виде:

Броненосцев	9
Крейсеров 1-го ранга	4
" 2-го "	9
Малых крейсеров	1
Контр-миноносцев	10
Миноносцев	40
Канлодок	11

Примечание. Число миноносцев уменьшено за счет улучшения их типа.

Таким образом, программа судостроения 1881 года уже через три года по ее утверждению, помимо изменения ее характера, была сокращена почти на половину.

Активные линейные силы были сокращены за счет скорейшего осуществления минных судов.

К 1890 году было выстроено:

2 эск. броненосца („Александр II“ и „Николай I“),

1 минный крейсер („Л. Ильин“),

12 миноносцев,

3 крейсера 1-го ранга („Нахимов“, „Корнилов“ и „Память Азова“);

2 крейсера 2-го ранга („Витязь“ и „Рында“).

Находились в постройке 2 броненосца и 1 канлодка („Гангут“ и „Наварин“).

В 1890 году вопрос о судостроении под влиянием быстрого усиления Германского флота был опять подвергнут пересмотру. К этому времени увлечение миноносцами несколько остыло. На первый план вновь выдвигаются линейные суда.

Соотношение сил Русского Балтийского и Германского флотов в этом году видно из следующей таблицы:

ТИПЫ СУДОВ.	Россия.		Германия.		По судостроительной программе 1890—95 г. предполагалось.	
	Имелось 1888 г.		Имелось 1889 г.			
	Число.	Тоннаж.	Число.	Тоннаж.	Число.	Тоннаж.
Броненосцы	4	31.500	12	85.000	4	36.000
Брон. берег. обороны . .	20	45.500	15	19.000	9	36.000
Кр. 1-го ранга	8	45.400	2	8.800	7	31.500
Кр. 2-го ранга	13	23.200	25	53.800	6	9.000
Минные крейсера	1	600	7	1.400	—	—
Контр-миноносцы	—	—	—	—	10	3.000
Миноносцы	15	1.000	109	8.800	—	—
Миноноски	89	1.500	13	650	—	—
Итог водоизмещения . .		148.700		177.450		115.500

Преимущество было уже значительным на стороне Германии. Если бы Россия продолжала придерживаться старых программ, то к 1895 году она довела бы свой тоннаж лишь до 210.000 т., тогда как Германия обладала бы 290.000 т. Кроме того, германский флот имел преимущество по количеству судов более поздней постройки, которые были выше и в качественном отношении.

В виду этого морским ведомством была выработана новая ускоренная программа судостроения на пятилетие 1890—95 г., которая предусматривала постройку в течение этого срока следующих судов:

6 эск. броненосцев по 7.500 т. водоизмещения,

4 „ „ по 5.600 т. водоизмещения,

3 броненосных крейсера,

3 канонерских лодок.

50 миносцев по 120 тонн.

В особом совещании, собранном в ноябре 1890 года, эта программа была утверждена, но общий кредит, потребный на нее, несколько уменьшен, а срок выполнения увеличен на 1 год по финансовым соображениям.

Во время самого осуществления программы, вследствие недостатка в средствах, она фактически еще была уменьшена как в количественном отношении, так и в смысле понижения стоимости судов за счет понижения их боевых качеств.

Таким образом, программа 1881 года, имевшая своей конечной целью достичь превосходства перед Германией на Балтийском море, к 1895 году, благодаря отсутствию средств, изменений и сокращений, была выполнена лишь частично, а именно:

	Предполагалось построить по проекту 1881 г.	Построено к 1895 году.
Броненосцев	16	8 3 броненосца береговой обороны.
Крейсеров 2-го р.	9	5
„ 1-го р.	4	3
Миноносцев	100	51

От России теперь требовались чрезвычайные усилия, чтобы догнать Германию на Балтийском море.

В 1895 г. морское ведомство вновь составило проект судостроительной программы на 1895—1902 гг., которая предусматривала постройку:

- 5 эск. броненосцев,
- 4 брон. береговой обороны,
- 6 крейсеров 1-го ранга,
- 1 крейсера 2-го ранга,
- 5 канонерских лодок,
- 54 миноносцев разного типа.
- 2 минных заградителей,
- 4 транспортов.

С постройкой этих судов к 1902 году флот был бы, с некоторым приближением, доведен до состава, намеченного программой 1882 года.

Между тем, 1895 год радикально изменил военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке. В этом году закончилась полной победой Японии ее война с Китаем. Обнаруженное Японией стремление утвердить свое господство в последнем, усиленное военным поражением Китая, выдвинуло ее в качестве силы, угрожавшей общему равновесию, сложившемуся в Тихом океане.

До сих пор Япония не учитывалась в качестве претендента в начавшемся дележе Китая. Теперь ее победа и усилившееся положение требовали принятия соответственных мер со стороны заинтересованных держав, в том числе и России, для ограждения собственных интересов.

Русская политика на Дальнем Востоке вступила в новую фазу, вызвав значительное усиление морских сил в Тихом

океане. Резервом, откуда необходимые для этого средства могли быть почерпнуты, являлся Балтийский флот.

Обсуждение программы 1895 года проходило, уже учитывая эту новую политическую обстановку.

До сих пор наше судостроение на Балтийском море преследовало главную цель—конкуренцию с Германией. Теперь ему ставят иные задания.

Выбор незамерзающего порта для Балтийского флота и планы обороны 1885—1895 г.г.

Прежде, чем приступить к изложению дальнейшего судостроения в Балтийском море, рассмотрим развитие другого вопроса, также намеченного в 1881 году, а именно о выборе незамерзающего порта для Балтийского флота.

Кронштадт, расположенный в самом восточном углу Финского залива, с его продолжительным ледоставом, никогда не удовлетворял требованиям операционной базы для действий в открытой части Балтийского моря. В течение зимы он является отрезанным от театра. Еще Петр I, едва укрепив Кронштадт, стремился найти более выдвинутый порт, начав укрепление Роггер-Вика (Балтийский порт), потом прерванное. Его преемники неоднократно возобновляли поиски новой базы и попытки ее оборудования.

Но до 1880 года мысль о незамерзающей базе не была осуществлена. Попрежнему главной базой оставался Кронштадт, а в качестве передового порта приходилось пользоваться Свеаборгом, хотя и укрепленным, но не имеющим оборудования для обслуживания большого флота. Совершенно понятно, что вопрос о базе возник тотчас же, коль скоро было принято решение восстановить флот.

Она должна была обеспечить выгодное исходное положение для тех задач, которые возлагались на флот программой 1881 года. Как выше было сказано, задачи эти предусматривали: 1) активную оборону Балтийского моря и 2) использование Балтийского флота в качестве резерва для действий во внешних водах.

Здесь представлялось три варианта решения, из коих каждый влек за собой определенную идею плана обороны Балтийского моря.

1) База в западной части Финского залива. Флот, будучи сосредоточен здесь, непосредственно прикрывал бы подход к столице.

2) База в Моонзунде, откуда, действуя во фланг и тыл прорывающемуся в Финский залив противнику, флот был бы способен защитить это направление и в то же время прикрыть Рижский залив, имея обеспеченный выход непосредственно в открытую часть моря. Но Моонзунд так же как и Финский залив замерзает.

3) База на Курляндском берегу, в Либаве, всегда свободной от льда, близкой к выходу из Балтийского моря, но удаленной от вероятных объектов действий противника, каковым считались Финский и район Рижского залива.

Ответственность принимаемого решения усугублялась тем обстоятельством, что для своего сооружения база требовала длительного времени и больших затрат и, раз построенная, должна была служить таковой на много лет вперед.

Программа 1881-го года устанавливала стремление обеспечить нашему флоту преимущество на Балтийском море перед флотами других прибрежных государств. В случае войны с ними (в частности с Германией) узкие оборонительные задачи отходили на второй план, и база должна была обеспечить активные действия флота в открытом море, прежде всего. С этой точки зрения выбор мог пасть на Либаву.

Но допуская, что преимущество в силах не достигнуто, или флот будет отвлечен другими задачами вне Балтики, обстановка резко менялась бы, предъявляя иные требования и к базе флота. Последняя должна была быть безопасна и давать возможность флоту вести активную оборону, прикрывая направления, которым противник мог угрожать. В этом случае было предпочтительно устроить базу в Финском заливе или Моонзунде.

Мнения разделились. Завязался горячий спор, длившийся в продолжение 5 лет, с 1884 по 1889 г., когда принято было наконец решение.

В 1884 году была образована комиссия под председательством ген.-лейт. Глиноецкого, для выяснения вопросов, связанных с совместными действиями армии и флота. На основе работ этой комиссии, представившей проект обороны Моонзунда, к.-ад. Копытов составил записку, в которой доказывал, что единственным местом для сооружения порта является Моонзунд.

Записка Копытова чрезвычайно интересна. В ней этот, несомненно выдающийся адмирал того времени, развивает перспективы обороны, высказывая мысли, заслуживающие быть отмеченными.

Копытов указывал ¹⁾, что обладание группой Балтийских островов (Моонзунда) дает нам обширные выгоды при учреждении здесь главного операционного базиса для флота:

„Занимая бассейн Балтийских островов, мы лишаем неприятеля возможности пользоваться этой местностью, как его базой, лишаем пользования многими другими близрасположенными рейдами и якорными стоянками, вынуждая его или идти в отдаленные Оландские шхеры, или совершенно углубиться в Финский залив, оставив без защиты свои сообщения в тылу“...

¹⁾ Приводится в выдержках. Главный Морской Архив, дело № 1136.

„В продолжение ряда лет полагали достаточным Балтийскому флоту существовать непосредственно только для обороны Кронштадта, проектируя его военные диспозиции на Кронштадтском рейде. Принятием Балтийских островов операционной базой значение флота изменится радикально. Получится возможность не допустить существенных неприятельских действий ни на ближайших берегах, ни даже в большей части Финского залива... Эта база лучше обеспечивает Кронштадт от неприятельского нападения... Задаваться нападением на Кронштадт для него будет невозможно... Уверенное обеспечение нашего положения в этих водах даст возможность наши материальные средства употреблять для быстрого и правильного развития наших морских сил на самом важном для нас поприще—на водах внеевропейских“.

„Таким образом, роль Балтийского флота получит полную определенность, до сих пор ей не достававшую. После Крымской войны значение нашего флота в Балтике весьма упало, как от уменьшения его численного состава, так и от перелома в кораблестроении и вооружении“.

Примечание. Интересной частью записки Копытова является проектируемая им минная позиция в Ирбенском проливе, которую он предлагал в схеме, не слишком отличной от той, какая была осуществлена во время мировой войны.

В 1885 г. „комиссия для выяснения связи и совместных действий армии и флота“ под председательством ген.-ад. Обручева произвела обзор берегов Балтийского моря и отдельных районов его для выяснения вопросов обороны и, в частности, для отыскания пункта для незамерзающего порта ¹⁾.

Эта комиссия высказала:

1) По Либаво-Виндавскому району: после устройства военного порта в Либаве эта часть побережья получит действительную морскую защиту; до того существенная помощь по охране берегов сухопутным отрядам может быть оказана лишь миноносцами, расположенными в Либаве и Виндаве.

2) Относительно Рижско-Моонзундского района комиссия установила необходимость обороны флотом, прибрежными батареями и минным заграждением Ирбенского пролива и выходов из Моонзунда; но, учитывая возможность прорыва этой позиции неприятелем, признавала возможным отход флота из Моонзунда. Комиссия нашла, что средства, которые нужно затратить для обороны Моонзундских островов, окажутся столь громадными, что превзойдут самое значение позиции, так как прочное удержание Моонзундских

¹⁾ Гл. М. Архив, дело № 4275. Приводится в выдержках.

островов потребовало бы создания многомиллионной обширной крепости и большого гарнизона. С известными оговорками она допускала, что здесь может быть организована временная оборона, „в серьезное же укрепление этого пункта никак не следует ввязываться“.

3) По Ревельскому району комиссия постановила, что ни Ревель, ни Балтийский порт не следует укреплять, так как первый имеет лишь маневренное значение, а второй, как база, хотя и имеет некоторое преимущество перед Ревелем, но устройство в нем военного порта „не дало бы уверенности в активной роли его в Балтийском море, ни желаемого обеспечения в постоянно свободном положении от льда дислоцированного в нем флота“. По мнению комиссии, оборона этих пунктов должна была основываться на подвижной полевой силе.

4) По Петербургскому району были набросаны места возможных высадок неприятеля, указано на необходимость усиления Кронштадта и реставрации укреплений Выборга, устройства защиты Транзундского рейда. Биорке было признано возможным оборонять специальным отрядом полевой артиллерии.

5) В Финляндском районе было признано необходимым сильно укрепить Свеаборг.

В заключение комиссия высказала, что „хотя при распределении миноносков и более крупных судов по различным оборонительным пунктам в связи с минными их заграждениями и укреплениями может быть достигнуто весьма полезное содействие флота сухопутной обороне Балтийско-Финского побережья, тем не менее все эти частные случаи защиты должны уступать место главнейшему ее способу, именно—возможно полному сосредоточению активной морской силы в передовом незамерзающем порте. Поэтому расходование средств на мелкие разбросанные по берегам портовые постройки и укрепления было бы нерационально до тех пор, пока не будет решен этот основной вопрос. Все средства, которые может найти государство для приморской обороны, должны быть, прежде всего, обращены на создание в Балтике передового, всегда свободного для действий порта“.

В том же 1886-м году Начальник Главного Морского Штаба г.-ад. Чихачев составил записку, подтверждающую необходимость постройки порта для военного флота в Либаве. Он выдвинул в пользу ее следующие доводы: 1) торговые интересы требуют безотлагательного улучшения этого порта, 2) близость Либавы к границе дает ей предпочтение, как месту передовой стоянки нашего флота, 3) Либава никогда не замерзает, 4) Либава соединена с общей сетью железных

дорог, 5) наконец, „самый важный аргумент“ — Либаве отдает предпочтение военное ведомство ¹⁾.

Свое мнение, в силу занимаемой им должности и личного влияния на ход дел в морском ведомстве, Чихачев имел возможность отстаивать весьма настойчиво, поддерживаемый сухопутными кругами, видевшими в Либаве прикрытие крайнего правого фланга развертывания армии на западной границе ²⁾.

Для дальнейшего выяснения вопроса была предпринята поездка комиссии под председательством генерала Бобрикова 2-го. В своем отчете ³⁾ Бобриков выступает ярким сторонником признания за Моонзундом первенствующего значения, как базы Балтийского флота. „Не вполне соображенный с обстановкой местного театра войны,—говорит Бобриков,—балтийский флот каждый раз на время военных действий обрекался на бездействие за крепостными верками, отнюдь не облегчая армии бремя защиты берегов. Неудовлетворительность такого положения вызвала всеобщее сознание необходимости дать обороне более активный характер, избранием для боевых наших эскадр по возможности передового, в замерзающей полосе Балтийского моря, опорного пункта...“

Он высказывается против Либавы, считая устройство там военного порта „излишней роскошью, не справедливой в отношении других коммерческих портов“. „Мы шли бы навстречу желаниям противника, создавая почти на самой его границе, собственными руками, объект действий чрезвычайной важности“. Доказывая значение Балтийских островов и утверждая необходимость именно здесь основать базу для балтийского флота, Бобриков так заканчивает свой доклад: „Какими путями не итти, все приводят к Моонзунду“.

Для суждения об отчете генерала Бобрикова в ноябре 1887 г. было образовано совещание под председательством военного министра Ванновского, при участии представителей морского министерства (17 сухопутных и 7 морских представителей). Совещание признало наиболее выгодным создание военного порта в Либаве, при чем были высказаны соображения об относительной дешевизне здесь порта, сравнительно с оборудованием Моонзунда, тем более, что было возможно отчасти воспользоваться имеющимися портовыми сооружениями.

Управляющий морским министерством ген.-адютант Шестаков не согласился с постановлением совещания и остался при особом мнении. Протестуя против неправильной поста-

¹⁾ Главный Морской Архив, дело № 1136.

²⁾ Но и в сухопутных кругах не было единодушия. С критикой Либавы выступали многие видные лица, в числе которых были Бобриков 2-й, мнение которого приводим ниже, а также Куропаткин.

³⁾ Главный Морской Архив, дело № 1136.

новки вопроса о незамерзающем порте, он указывал, что нужно прежде всего избрать порт в выгодном стратегическом пункте, каковым не является ни Либава, ни Виндава. (Существовала группа сторонников устройства порта в Виндаве). „Лучше предпочесть свободному круглый год от льда порту такой, который отчасти замерзает, но вместе с тем служит сильной позицией для обороны, в особенности если этот порт, как Моонзунд, замерзает на такое время, в которое военные операции в Балтике едва ли возможны“.

По мнению Шестакова, Моонзунд удовлетворяет этим требованиям, ибо: 1) располагает тремя выходами, 2) блокада его затруднительна, 3) легко наблюдать за неприятельским флотом с окрестных высот и в свою очередь таковое наблюдение трудно для неприятеля, 4) отсутствует надобность в береговых укреплениях, так как неприятель не будет в состоянии произвести высадку на островах при наличии в Моонзунде нашего флота, и 5) в этом районе имеется превосходная бухта Тагалахте „для налетов флота в море“.

Кроме Моонзунда, Шестаков проектировал для защиты от ветров порт - стоянку на Курляндском побережье „для возможности атаковать подготавливающийся Германией десант в ее собственных водах“.

„Но сосредоточение нашего флота в Моонзунде делает самую мысль о десанте мало обоснованной, так как при его движении он должен будет оставить весь наш флот в тылу“.

На междуведомственном совещании в феврале 1888 г. под председательством Алексея Александровича все, кроме Чихачева, согласились с мнением Шестакова, и было решено предложить морскому ведомству разработать проект оборудования стоянки флота в Моонзунде.

Вторичное совещание в мае 1888 г. подтвердило это постановление.

Морское ведомство немедленно приступило к изысканиям в Моонзунде, которые дали благоприятный результат.

Но в конце 1888-го года Шестаков умер, и вместо него вступил в управление морским министерством Чихачев. Одним из первых его распоряжений была отмена изыскательных работ в Моонзунде и возвращение оттуда плавучих средств. Затем Чихачев повел усиленную кампанию за перерешение вопроса в пользу Либавы.

Примечание. Показательно усердие, с которым Чихачев боролся за оборудование порта в Либаве. Вступив в управление министерством, он изъяс доклад Шестакова о Моонзунде, который лег в основу решения об устройстве там базы, и запер его к себе в стол. Этот документ увидел свет лишь в 1912-м году, когда морской министр Григорович обнаружил и передал его в архив. В 1913-м году, уже будучи глубоким старцем, узнав о решении строить базу для

флота в Ревеле, Чихачев представил Николаю II записку о необходимости учредить базу опять-таки в Либаве. Николай II положил резолюцию „Удивительное упрямство*“.

В 1888-м году была образована комиссия под председательством вел. князя Николая [Николаевича Старшего по организации береговой обороны, которая должна была окончательно установить принципы обороны и решить вопрос о базировании флота.

Несмотря на то, что решение о постройке базы в Моонзунде было уже принято 1¹/₂ месяца назад, комиссия, в состав которой морскими членами входили адмиралы, сочувствующие идее Чихачева, признала целесообразным строить порт для балтийского флота в Либаве, отметив тем предыдущее решение.

Комиссия не ограничилась только этим постановлением; весь вопрос береговой обороны, после предварительной проработки его в морском ведомстве с участием сухопутных представителей, поступил на ее обсуждение.

Сущность ее постановления сводилась к следующему:

„1) Роль нашего флота при обороне балтийско-финского побережья должна заключаться, главным образом, в содействии сухопутным силам, обеспечивая побережье в районе Либавы—Рига, как фланга нашей общей оборонительной линии, и преграждая неприятелю доступ к столице.

2) Для устройства порта в незамерзающих водах южной части Балтийского моря наиболее удобным пунктом признается Либавы, которую надлежит защитить береговыми батареями.

3) В виду возможного десанта Германии, наиболее угрожаемыми пунктами являются Либавы и Рига, что вызывает необходимость их укрепления.

4) Суды оборонительного флота следует сосредоточить у Риги, для чего следует организовать там портовые сооружения.

5) При настоящем составе нашего флота мы можем рассчитывать на успех активных действий морских сил против неприятельского десанта только при значительном увеличении числа больших миноносцев.

6) Следует устроить заграждение минами входов в Рижский залив и северную часть Моонзунда, с обороной заграждений полевой артиллерией при содействии миноносцев, а также заграждение из минных банок поперек всего Финского залива, с обороной его судами броненосного флота, расположенными в Свеаборге.

7) Оборона крепостей должна быть усилена следующим образом: Кронштадт следует усилить минным заграждением у Толбухина маяка. Морской фронт Выборгской крепости, как весьма растянутый и без тыловой защиты, упразднить.

Свеаборг следует усилить укреплением острова Сандхам, и Усть-Двинск усилить двумя фортами для обеспечения береговых укреплений с тыловой сухопутной стороны“.

С этим постановлением не согласился лишь один из участников совещания—ген.-лейт. Бобриков, указав, что принимается неправильное решение относительно Либавы и неправильно понимаются задачи флота в общем плане обороны: „Либавская крепость в морском отношении делается ловушкой для флота, а в сухопутном—мы идем навстречу желаниям противника, между прочим создавая на самой границе—объект чрезвычайной важности. Мы создали для него почти на самой границе предмет действия, о котором он мог только мечтать—стоянку для военного флота“... „Возможность катастрофы уничтожения нашего флота в Либаве будет до такой степени обаятельна для наших врагов, что они не только направят сюда все усилия их вторгнувшейся армии, но это, может быть, послужит самым стимулом к разрыву“.

„Содействие флота операциям действующей армии на сухопутном театре войны следует... искать не в помещении боевой эскадры на правом фланге расположения наших войск вдоль нашей западной границы, а в ее самостоятельной силе на свободных водах и способности нанести неожиданные удары, не стесняясь местом и расстоянием“.

Но отдельное мнение ген. Бобрикова не имело значения на решение вопроса.

Изложенная история о выборе порта в Либаве являет собой поразительный образец, как решались важнейшие для государственной обороны вопросы. Не говоря уже о том, что наличие противоположных мнений среди руководящих лиц морского ведомства свидетельствовало об отсутствии общих идей и определенного плана войны, способ проведения вопроса вызывает большие сомнения в моральной оценке таких деятелей, как, напр., Чихачев. За официальной стороной развития вопроса была другая, неофициальная, но где, вероятно, и лежали подлинные причины обнаружившихся разногласий. Выбор порта, помимо громадного оперативного значения, имел значение и в отношении экономического оживления той области, где он должен был быть учрежден; должна была быть проведена железная дорога, отчуждаемые земельные участки приобретали известную ценность и пр. Вокруг Либавы, Виндавы и даже Моонзунда были заинтересованы различные финансовые группы. При этом происходило полное смешение принципов: в делах архива мы находим фамилии тех же лиц, которые одновременно участвуют в военных заседаниях, обсуждая принципиальную сторону, и в то же время состоят учредителями коммерческих предприятий, самым тесным образом связанных с тем или иным решением вопроса.

Необходимо отметить, что наиболее выдающиеся адмиралы, составившие себе имя в истории флота того времени—Копытов и Шестаков—стояли за Моонзунд; выдающиеся военные—Бобриков, Куропаткин—явно указывали на недостатки Либавы и предостерегали против решения выбрать ее базой флота, при чем Бобриков проявил удивительно здоровое понимание задач последнего. Несмотря на это, вопрос все-таки решился в пользу Либавы. Здесь были использованы все средства, до специального подбора лиц для участия в совещаниях включительно.

История Либавского порта—это мрачный эпизод, характеризующий не только военный, но и моральный развал в высших военных и морских кругах того времени.

Идея плана развертывания флота в 1894 г. Постановление комиссии, утвержденное Александром III, легло в основу работ морского ведомства, в котором установился следующий взгляд на задачи обороны ¹⁾.

1) Враг—Германия. Его вероятные действия на море—операции против флота и высадка десанта на побережье.

2) Возможные направления для высадки: второстепенные—на Ригу и Свеаборг и главные—на Либаву и Кронштадт, оборона которых ложится на флот.

3) Общая задача флота: содействие сухопутной армии и защита угрожаемых десантом направлений.

4) В случае, если противником окажется Англия, обладающая подавляющими морскими силами, то главная тяжесть обороны возлагается на приморские укрепления, поддерживаемые флотом.

При этом, однако, оборона Балтийского моря понимается не как главная задача Балтийского флота,—таковой были прежде всего действия в открытом океане и вне европейских вод.

Каковы эти действия—трудно установить по документам. Определенных идей не было, кроме общей предпосылки, что Россия должна располагать сильным морским флотом, чтобы выслать его туда, где это, по общему политическому положению, будет необходимо. База для флота в Либаве была избрана, главным образом, в предвидении такой задачи.

Примечание. Чтобы проследить историческую последовательность идей развертывания Балтийского флота, прилажем схемы развертывания в 1854—55 г. (во время Крымской войны), в 1878 году (в виду угрозы столкновения с Англией после Русско-Турецкой войны), и, наконец, в 1885 году (когда ожидалась с нею же война из-за принявшего острые формы конфликта на почве проведения афганской границы).

¹⁾ Записки Главного Морского Штаба 1894 года, архив войны.

Сущность таковых сводилась к следующему: в 1855 г. главные силы в Кронштадте, одна эскадра в Свеаборге, шхерный отряд (гребной флотилии) и занимал участок Свеаборг—Бюорке. Флот был фактически прикован к обороне крепостей.

Схема №1

Развертывание флота в 1854-55 гг.

В 1878 году главной задачей ставится та же оборона крепостей. Дислокация: главные силы в Кронштадте, причем у Толбухина маяка оборудуется минная позиция поставленными в 2 ряда минными заграждениями и защищаемая как флотом, так и береговыми батареями. В Свеаборге—передовой отряд, в шхерах—минные отряды.

Схема №2

Развертывание Балтийского флота в 1878 г.

В 1885 году главные силы — в Свеаборге, резервная эскадра в Кронштадте—за минной позицией. В Рижском заливе—передовой отряд из двух крейсеров и миноносцев для постановок минных заграждений в море и атак неприятеля. Кроме того, два клиппера готовились для крейсерства в океане на путях торговых судов.

Схема №3

Развертывание Балтийского флота в 1885 г.

Позиция между Ораниебаумом и Сестрорецком.
 Главные силы в Свеаборге.
 2-я эскадра в Кронштадте.
 Шахматный район — защита угрожающих и батарей.
 Отряд в Риге для действия в открытом море.

Все планы имели в общем строго оборонительный характер и роль флота сводилась к защите определенных пунктов.

В 1894 году предусматривается следующее развертывание на случай войны с Германией

Предположения о развертывании на случай войны в период 94-1900 г.

Главные силы — в Либаве.

Старые суда — в Риге.

Броненосцы береговой обороны в Свеаборге.

Минная оборона.

Главные силы флота — в Либаве, для активных действий в открытом море.

В Рижском заливе — старые суда, назначение которых — содействие обороне Усть-Двинска.

В Свеаборге — суда береговой обороны, для помощи крепости и борьбы против вспомогательных операций неприятеля в направлении на Кронштадт.

Оборона Кронштадта возлагается целиком на его береговые укрепления, при чем суда, которые могут там находиться, предназначались для содействия последним.

Но этот план не был подтвержден наличием соответствующих сил.

Как выше указывалось, Либава не являлась обеспеченной со стороны сухого пути, а морские силы немцев превосходили силы Балтийского флота.

Таким образом, к 1895-му году установились идеи в обороне Балтийского моря, основанные на неверном предположении, что Русский флот будет иметь преимущество перед Германским. В соответствии с этим было предпринято ошибочное оборудование театра, вскоре оказавшееся не отвечающим обстановке.

В 1890-м году началась постройка военного порта в Либаве, который был назван „портом императора Александра III“. Одновременно началась постройка Либавской крепости.

1895-й год. В середине 90-х годов произошли два, по новым заданиям времени почти совпадающих события: Германия приняла „закон о флоте“, предусматривающий громадное усиление ее морских сил; на Дальнем Востоке победоносная после войны с Китаем Япония, значительно усиленная, заняла враждебную позицию по отношению к России и выступила с обширными программами вооружений.

То и другое требовало усиления Балтийского флота. В первом случае для обороны против Германии, во втором — для выделения из его состава мощной эскадры на Тихий океан.

В морском ведомстве с 1895-го года появляются отдельные, потом приобретающие все больший авторитет, мнения о необходимости усиления нашего флота на Дальнем Востоке и о создании там постоянной эскадры.

При обсуждении новой судостроительной программы, составленной в 1895-м году, раздаются голоса, что надлежит пересмотреть основные задания, установленные в 1881-м году, ориентируя таковые на Тихий океан.

Адмиралом Ломен (флаг-капитан царя) была подана записка, в которой говорилось о необходимости сосредоточить главные силы на Тихом океане. Она разделялась немногими и, казалось, шла в разрез с общим направлением, которое господствовало в кругах морского ведомства. Но, т. к. она отражала процесс перемены политических взглядов, создавшийся в высших правительственных кругах, охваченных идеей активной политики на Дальнем Востоке, к мнению адмирала Ломена присоединились и другие видные адмиралы, и в 1895—6 гг. в морском ведомстве уже образовалась сильная группа, с вел. кн. Александром Михайловичем во главе, настойчиво требовавшая усиления флота на Дальнем Востоке против Японии, отводя на второй план Германию, как менее вероятного врага.

Управляющий морским министерством адмирал Чихачев, совершенно не разделявший этого взгляда, всеми силами противился переброске сил и внимания на Дальний Восток и

стал во враждебную позицию к Александру Михайловичу (что, в конце концов, привело его к отставке).

Вопросы обороны Балтийского моря, соревнование с Германией временно отошли на задний план и для них принимаются компромиссные решения. Общее внимание отвлечено на Дальний Восток.

Задачи на Балтийском море значительно сузились. Вел. кн. Александр Михайлович в своей записке, напечатанной им в 1896 г. — „Соображения о необходимости усилить состав русского флота в Тихом океане“ — высказался относительно Балтийского моря в том смысле, что „какими бы силами на море Россия ни обладала против Германии, участь войны этих государств всегда будет решена только на сухопутном театре войны. Флот на Балтийском море может играть только вспомогательную роль. Главной его задачей явится недопущение неприятельского десанта, для чего необходимо иметь флот, по крайней мере, равный германскому и шведскому флотам, вместе взятым, или ограничиться минным флотом, опирающимся на шхеры и малодоступные места. Создавая равносильный Германии флот, нам необходимо отказаться от Черноморского и Тихоокеанского флотов, между тем как постройка минного флота с соответствующим количеством минных крейсеров и истребителей и укрепление важнейших пунктов Балтийского побережья обеспечит его от попытки высадить десант, так как дело это будет сопряжено с большим риском, который будет тем больше, чем больше посланный десант. Так как, с одной стороны, для России необходимо владеть Тихим океаном и Японским морем, а достигнуть этой цели можно только океанским флотом, а с другой стороны — оставить берега Балтийского моря беззащитными невозможно, то единственное решение, к которому можно притти, это признать, что задачи Балтийского флота — исключительно оборонительные и достигаются в полной мере минным флотом, имеющим по всему побережью вполне организованные разного рода станции. Что же касается броненосцев типа береговой обороны, для усиления артиллерии приморских крепостей, то таких судов строить вовсе нежелательно, ибо, имея многочисленный минный флот, он с успехом справится со своей задачей и без наличия броненосцев береговой обороны, стоимость которых могла бы с большим результатом пойти на тот же минный флот“.

Адмирал Чихачев, давая свой отзыв на записку Александра Михайловича, протестовал против предположений об усилении флота на Дальнем Востоке, так оценивая задачи нашего флота в отношении Германии: „наш главный соперник, который скорее всего может сделаться самым опасным нашим врагом — Германия, последствием неудачной войны с которой может быть отторжение всей западной окраины. На океанах

мы и теперь сильнее ¹⁾ Германии и должны сохранить за собой и стараться развить это преимущество, так как этим путем мы можем нанести ее громадной торговле и зарождающимся колониям неисчислимые потери, отвлекая в то же время от своих границ значительную часть ее сил". Минная оборона Балтики, по мнению Чихачева, представляется делом „вполне мечтательным, не проверенным никаким опытом. Увлечение миноносцами, несмотря на усовершенствование последних лет, значительно понизилось, и за ними установилось значение оружия не самостоятельного, а вспомогательного. Уничтожая в Балтике активную боевую силу, мы собственными руками передаем в руки противника преимущество, которого он иначе мог бы достигнуть лишь путем отчаянной борьбы и громадных потерь, и в то же время обесцениваем свои...". В заключение, видя несочувствие своим взглядам, Чихачев просил его уволить от должности управляющего морским министерством. Последнее было исполнено, и на его место был назначен вице-адмирал П. П. Тыртов.

Усиление программы 1895 г. Таким образом, под давлением складывавшейся политической обстановки и изменений взглядов на задачу Балтийского флота, каковая программа 1898 г. вая теперь устанавливалась прежде всего в смысле усиления наших сил на Тихом океане, потребовался пересмотр программы 1895-го года, программы, в основе которой лежала идея о конкуренции с Германией на Балтийском море.

Помянутая записка вел. кн. Александра Михайловича, записка адм. Ломена и мнения других адмиралов о необходимости усиления морских сил на Дальнем Востоке имели своим следствием образование (в ноябре 1895-го года) особого совещания, которому надлежало, обсудить соответствие основных положений плана судостроения 1881 г. с общеполитическими и военными требованиями настоящего времени в связи с интересами России на Дальнем Востоке и возрастающей военной деятельностью Японии.

Это совещание пришло к заключению, что в Тихом океане необходимо присутствие значительной эскадры, при чем было постановлено, что впредь до приобретения там незамерзающего порта часть судов, предназначенных для Дальнего Востока, должна содержаться в Средиземном море, для чего не следует упускать случая обеспечить им там надежное убежище.

Решение совещания было одобрено Николаем II, который положил следующую резолюцию: „по моему, лучше было бы содержать в Средиземном море часть эскадры Балтийского

¹⁾ Очевидно, адмирал Чихачев имел в виду некоторое наше превосходство в крейсерах, каковое было в тот момент.

флота, чем ослаблять хотя на одно судно эскадру в Тихом океане“.

Согласно этого указания, морское министерство с 1896 года начало усиливать эскадру Тихого океана, с одновременным содержанием в Средиземном море резервной эскадры для посылки ее на Дальний Восток при первой же необходимости.

До 1898 года наш флот в Тихом океане не уступал японскому. Но с этого года начинается быстрое усиление последнего, который уже начинает получать все большее и большее преобладание над Тихоокеанской эскадрой.

Произведя подсчет японским морским силам к моменту завершения намеченных Японией судостроительных программ, морское министерство пришло к следующим выводам:

1) Япония подготавливает завершение своей судостроительной программы к году окончания постройки Сибирского пути, что указывает на возможность вооруженного столкновения в 1905—1906 г.

2) Все возрастающий интерес Японии к Корее ясно говорит за то, что в будущих столкновениях Япония будет всеми силами стараться перебросятся на материк, а потому в случае войны флоту будет принадлежать первенствующая роль на театре военных действий.

3) Япония отлично понимает значение флота и не остановится и впредь на усилении его, если со стороны России не будет категорически указано, что она не остановится ни перед какими жертвами, чтобы обезопасить себя от посягательств со стороны моря.

4) России необходимо теперь же, не упуская момента, выработать программу судостроения для нужд Дальнего Востока с таким расчетом, чтобы к окончанию судостроительной программы Японии наш флот на Дальнем Востоке превышал значительно японский.

Эти тезисы и проистекающие отсюда судостроительные предположения были посланы министерством на отзыв ответственных лиц ведомства и были рассмотрены на ведомственном совещании 12 декабря 1897-го года. При этом был поставлен вопрос об отправлении судов из Балтики: „можно ли допустить таковую посылку всех новых судов и представляется ли возможным, вследствие этого, оставить Балтийское море беззащитным“.

Совещание высказалось:

1) „Германия ныне вступила на путь более деятельной политики на отдаленном востоке и уже отправила в эти воды часть своих сил, в будущем будет к тому вызвана в еще большей степени, и таким образом облегчит нашу задачу на Балтийском море.“

2) По духу нашей политики на Балтийском море представляется возможным ограничиться лишь соображениями в предвидении войны оборонительной.

3) Преследование двух кораблестроительных программ—быть в должной мере сильными на Балтийском море и превосходить хотя бы немного японцев на отдаленном востоке—даже и при наличии денежных средств потребовало бы столь громадной кораблестроительной деятельности, каковая представляется решительно невозможной.

А потому, принимая во внимание, что „на главном театре должны быть расположены и главные силы“, каковым в данное время следует признать Дальний Восток, силой обстоятельств в Балтийском море в нашей будущей кораблестроительной деятельности следует ограничиться постройкой только судов береговой обороны. Все же остальные усилия должны быть направлены для пополнения наших нужд на Дальнем Востоке“.

Перейдя затем к выяснению состава нашего флота на Дальнем Востоке, совещание наметило необходимым довести его до 10 броненосцев, сосредоточив при этом все имеющиеся и строящиеся броненосные крейсера, 10 крейсеров 2-го класса, столько же—3-го класса, 2 минных заградителей, 36 истребителей и 11 миноносцев.

27-го декабря 1897-го года состоялось новое совещание, которое наметило дополнительную судостроительную программу (1898 г.), получившую наименование „программа для нужд Дальнего Востока“:

5 эскадренных броненосцев,

6 крейсеров разведчиков 2-го класса,

10 „ „ 3-го класса.

2 минных заградителя.

36 миноносцев-истребителей.

Принимая в расчет, что отечественные верфи были заняты постройкой судов по программе 1895-го года решено часть заказов передать на иностранные заводы.

Что же касается вопроса о создающейся беззащитности Балтийского моря, то совещание пришло к заключению, что преследование наших задач в этом море, по завету Николая I, „быть сильнее союза соседних держав на Балтике“ должно оставаться руководящей идеей и впредь. С этой целью потребность Балтийского моря в соответственных боевых судах должна быть удовлетворена независимо от экстренной постройки судов для нужд Дальнего Востока.

Составленная программа 1898-го года требовала около 200 миллионов, что составляло весьма обременительный расход для государственного бюджета и вызвало возражения

министра финансов Витте, который представил ряд соображений, умеряющих ее размах. Он указывал, что Япония не в силах закончить свои программы ранее 1905-го года, вопреки уверениям нашего морского ведомства, считавшего возможным это окончание к 1903-му году; что намерения морского ведомства держать на всех наших морях по самостоятельному флоту совершенно не под силу финансовым средствам России; что взята чрезмерно высокая оценка, и пр. В результате Витте предлагал сократить программу по крайней мере на 50 млн. руб.

Вследствие несогласия морского министерства с доводами Витте, 20 февраля 1898 года состоялось заседание под председательством царя, которое окончательно постановило дать морскому министерству 200 м. р., с рассрочкой отпуска этой суммы до 1905 года, при чем теперь же ассигновать 90 м. р., с дальнейшим отпуском по 16—20 мил. ежегодно по 1904 год включительно.

Получив средства, морское ведомство приступило к закладке судов для Дальнего Востока. Обе программы 1895—1898 г. слились воедино сроком окончания в 1905 году.

Возвращение Задача сосредоточения флота на Даль-
о конкуренции нем Востоке против Японии заслонила собой,
с Германией. как сказано, стремление противодействовать
возрастающему морскому могуществу Германии. Однако, по мере того, как постройка судов приближалась к норме, дающей перевес над японским флотом, германский вопрос вновь был выдвинут.

В начале 1901 года морское командование уже доложило царю, что к 1905 году будет закончен план судостроения, по которому в Тихом океане Россия достигнет превосходства на море сравнительно с японцами.

План этот, с запозданием на 1 год против предполагаемого, должен был дать к 1905 г. на Дальнем Востоке эскадру в составе:

10 эскадр. броненосцев (против 6 японских),	
5 бронен. крейсеров (против 6 японских),	
7 крейсеров 1-го ранга	} (против 16 японских),
5 " 2-го "	
7 канонерских лодок,	
2 минных крейсера,	
20 миноносцев, 350 тонн,	
24 миноносца 120—140 тонн.	

Против слов доклада: „наличие таких средств на Дальнем Востоке послужит наилучшим залогом мира“ Николай II написал: „совершенно согласен с этим и настаиваю на сосре-

доточении всех судов на Дальнем Востоке, намеченных программой 1898 г.". Здесь же им была дана директива: „сокращение нашего судостроения недопустимо. В виду громадного усиления Германского флота к 1920 году, рассмотреть вопрос об окончании программ 1895 г. и 1898 г., в связи с необходимым увеличением балтийского флота к 1920 г. Представить мне соображения, до какого состава должен быть доведен наш флот в ближайшее 20-летие, принимая во внимание политические задачи в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке, а также рост флотов наших соседей. Программу судостроения разработать на 20 лет, начиная с 1902 года, в соответствии с желательным составом флота. Исчислить расходы, потребные как на исполнение ее, так и на увеличение личного состава, расширение портов и пр. Все судостроение обязательно исполнить на русских верфях“.

Получив эти указания, морское министерство приступило к составлению проекта 20-летней судостроительной программы.

Во время этой работы Николай II несколько изменил взгляд на характер будущего судостроения. Новые указания в отношении Балтийского моря сводились к тому, что программа должна быть составлена согласно приведенной выше резолюции, но не отделяя в особую эскадру судов Тихого океана; эскадра Дальнего Востока должна, сообразно обстоятельствам, выделяться из состава Балтийского флота, из него же и усиливаться в случае надобности. Следовательно, для Балтики нужно принять в сравнение систематическое усиление Германского флота в предстоящий 20-летний период, с заменой устаревших судов новыми; кроме того, было приказано в ближайшем будущем главное внимание обратить на усиление флота в Черном море.

Эти дополнительные директивы коренным образом меняли постановку вопроса о судостроении для Балтийского моря, намеченную первой резолюцией.

Программа В основу новых соображений по созданию 1903—23 г.г. судового состава, Главный Морской Штаб положил вероятные силы Японии и Германии к 1920 году, с учетом судов, выделенных из строя за выслугою лет.

Судостроительная программа 1903—1923 г.г., составленная Главным Морским Штабом для балтийского (и тихоокеанского) флота, вылилась в следующем составе:

35 эскадренных броненосцев.

18 броненосных крейсеров.

36 легких крейсеров.

12 канонерских лодок.

290 истребителей (эск. миноносцев).

219 миноносцев береговой обороны.

104 подводных лодки.

4 минных заградителя.

Эта грандиозная программа вместе с соответственным усилением Черноморского флота (см. гл. III) должна была обойтись в полтора миллиарда зол. рублей и приблизительно соответствовала развитию Германского флота.

План минной обороны по программе 1903—1923 годов. Особенностью программы 1903—1923 годов являлось отделение минной обороны побережья от линейного флота. Таковая мысль становится вполне понятной, если учесть, что линейный флот в рассматриваемое время был связан на Дальнем Востоке.

К записке Главного Морского Штаба о судостроительной программе 1903—23 г. был приложен „Примерный план морской береговой обороны Балтийского моря“, сущность которого заключалась в следующем:

Оборона разделяется на местную, связанную с защитой определенных пунктов побережья, и подвижную, которая могла бы быть направлена в любой угрожаемый район.

Местная оборона, по мнению Главного Морского Штаба, должна была обслуживать следующие пункты, которым была дана надлежащая оценка.

Либава оценивается как порт, не способный служить целям слабейшего флота; „она имеет значение только как место снаряжения флота перед войной“. Для усиления ее обороноспособности необходимо 25—30 мореходных миноносцев и 6 подводных лодок, что, по мнению авторов проекта, будет достаточно, так как неприятелю едва ли удастся выделить для ее блокады больше такового же числа миноносцев.

„Виндава является удобным пунктом для действия отсюда в тыл противника, блокирующего Либаву или Рижский залив. Здесь необходимо 10 миноносцев и 6 подводных лодок“.

Рижский залив и Моонзунд занимают уже центральное место в предположениях Главного Морского Штаба. Поставлен вопрос о необходимости их широкого оборудования, укрепления островов, прорытии канала через Моонзунд для плавания больших судов и пр.

В частности эти меры сводились к следующим:

- 1) Выполнение больших углубительных работ как на фарватерах, так и на плесах.
- 2) Создание на острове Вормсе сильных укреплений.
- 3) Заграждение проливов минами заграждения.
- 4) Создание укреплений на острове Даго.
- 5) Заграждение Соэльского прохода минами.
- 6) Защита б. Тагалахта.

- 7) Оборудование гавани около Цереля.
- 8) Назначение сухопутного гарнизона на острова.
- 9) Сильное укрепление Ирбенского пролива.
- 10) Сосредоточение средств затопления на закрываемых фарватерах.

Всего для обороны района Моонзунда предполагалось построить:

80 мореходных миноносцев.

20 малых миноносцев.

21 подводную лодку.

Подвижная оборона. Для защиты Финского залива предполагалось организовать отряды подвижной минной обороны, которых должно было быть четыре, по 10 миноносцев в каждом.

Таким образом, весь минный флот обороны Балтийского моря должен был состоять из 120 мореходных миноносцев, 110 прибрежных, 48 подводных лодок и 4-х передвижных баз.

Предвидя большие затруднения с ассигнованием столь крупных сумм, которые требовались для осуществления намеченной судостроительной программы, упр. мор. министерством адм. Тыртов дал Главному Морскому Штабу задание в смысле сокращений, ограничив таковое для Тихого океана и для Балтийского моря следующими задачами: 1) приведением флота в Тихом океане в соответствие с японскими морскими силами, принимая во внимание последнюю программу их усиления; 2) „созданием на Балтийском море сильной обороны из миноносцев и подводных лодок, а также одной мореходной эскадры из 8 новейших броненосцев с соответствующим числом крейсеров и миноносцев“.

Отзывы адмиралов по судостроительной программе 1903—23 г.г.¹⁾

Материалы по судостроительной программе на 1903—23 г.г. были разосланы Главным Морским Штабом на отзыв ряду адмиралов, с мнением которых ведомство считалось.

Из поступивших ответов особенно интересно отметить отзыв в. кн. Александра Михайловича, который в это время, с 1895 г., пользуясь влиянием на Николая II, был одним из главных вдохновителей сосредоточения флота на Тихом океане.

В этом отзыве он указывал, что рассчитывать на тихоокеанскую эскадру для обороны Балтийского моря нельзя, если бы даже изменившаяся обстановка и позволила бы ей уйти с Дальнего Востока, она все равно не дошла бы в Балтику ранее двух месяцев, а к этому времени Балтийский флот будет значительно ослаблен в борьбе и пришедшая эскадра Тихого океана встретит более солидного противника.

¹⁾ Главный Морской Архив, дело № 215, по каталогу „Материалы подготовки к Рус.-Яп. войне“.

„Ясно, что быть сильнее Германии на Балтийском море сильнее Японии в Тихом океане и иметь достаточно сильный флот в Черном море нам не по силам, а потому следует установить наши ближайшие политические задачи, соответственно каковым и выяснить судостроительную программу“.

Эти задачи, по мнению Александра Михайловича, представляются в таком виде:

1) На Ближнем Востоке—завладение проливами.
2) На Дальнем Востоке—не вызывая разрыва с Японией и Китаем, быть всегда готовыми к войне с этими двумя государствами, для чего содержать в полной готовности к бою эскадру Тихого океана, по составу своему не уступающую в силах Японскому флоту.

3) В Балтийском море—мир с Германией, увеличение сухопутных сил на западной границе, активная оборона побережья, укрепление военных пунктов балтийского побережья.

4) В Туркестане и Закаспийском крае—удержать Англию от вмешательства в дела России на Ближнем и Дальнем Востоке, для чего приготовить все необходимое для экспедиции в Индию.

При этом им предлагалось несколько вариантов судостроительных программ. В частности, для Балтийского моря подтверждалась необходимость минной обороны.

Останавливает на себе внимание отзыв адмирала Пилкина, предостерегающего от возложения больших надежд на миноносцы при обороне побережья и указывающего на необходимость линейных сил для Балтийского моря.

Запрошенный в числе других адмирал Макаров высказался за замену броненосного флота безбронными судами, усматривая за ними, помимо тактических преимуществ, значительную дешевизну. Макаровым был выработан проект такого корабля в 3.000 тонн водоизмещения. Проект этот осуществления не получил и, как показало последующее развитие военно-морской тактики, не мог быть удачным.

Адм. Бирелев указал на необходимость обратить особое внимание на подготовку личного состава, подвергнув критике существовавшее положение этого вопроса. Отметив, что необходимо создать при Главном Морском Штабе специальное отделение, ведущее составлением обоснованных планов кампании, отсутствие которых может поставить флот в тяжелое положение, Бирелев высказал, что на Балтийском море мы не можем иметь сильного боевого флота, ибо балтийский флот составляет „депо“ для эскадры Тихого океана и отряда Средиземного моря ¹⁾. В Балтийском море должна быть со-

¹⁾ В 90-х и начале 900-х годах в Средиземном море почти непрерывно плавал отряд русских сучов. Помимо целей политического представительства, он являлся резервом для Дальнего Востока, с одной стороны, и для Балтики—с другой.

здана надежная береговая оборона. В общем, он соглашался с проектом минной обороны, составленным Главным Морским Штабом.

Адм. Чухнин в своем отзыве говорит: „едва ли может играть большое значение большее или меньшее число судов в Балтике, ежели вперед известно, что неприятель всегда будет значительно сильнее. Ежели из одинаковых подсчетов выйдет, что наш флот обречен на пассивную роль, то, пожалуй, лучше совсем отказаться от эскадренных броненосцев в Балтийском море и ограничиться оборонительным минным флотом и подводными минными лодками...“

Далее, переходя к финансовой стороне проекта обороны Балтийского моря, Чухнин приходит к заключению, что стоимость, укомплектование и содержание одного минного флота будет значительно больше, чем создание для обороны Балтийского моря 15-ти броненосцев береговой обороны, водоизмещением около 4.500 тонн, и половины намеченного числа миноносцев.

Адм. Рождественский считал, что нельзя ограничиваться учетом в качестве противника только германского флота, но надо рассчитывать на его совместные действия с шведским и соответственно увеличить свои силы. Считая, что к моменту конфликта флот может быть сосредоточен вне Балтики, он находил необходимым „иметь запас сравнительно дешевых средств, пригодных хотя бы только для внутреннего моря, но достаточных для временного в нем поддержания полного превосходства. Этим запасом может служить сильная флотилия миноносцев, устроенная по кордонной системе и способная быстро сосредоточиваться.“

Кроме этих, поступили и другие столь же разноречивые отзывы от остальных адмиралов, которые мы здесь не приводим.

Перечисленные отзывы наиболее ответственных и влиятельных лиц во флоте свидетельствуют, в какой мере они расходились в основных взглядах по важнейшему вопросу о том, какой же должен быть выстроен флот для России. Эта разногласия скрывала за собой отсутствие определенных идей, дисциплинирующих работу ведомства, и в значительной мере—военное невежество руководящих лиц. Можно ли говорить о согласованной работе, когда один—за эскадренные броненосцы, другой—за минный флот, третий—за броненосцы береговой обороны, четвертый—за особый тип крейсеров, и пр.? Каждый из этих вариантов влек за собой своеобразное представление об операциях флота. Наличие противоположных мнений в этом коренном вопросе показывает, насколько неясно оценивались задачи флота и, в особенности, способы ведения ими боевых действий.

В начале 1903-го года состоялся ряд заседаний особого совещания по 20-летней судостроительной программе под председательством управляющего морским министерством. Это совещание признало необходимым иметь броненосцы береговой обороны (водоизмещение около 5.000 т., осадка 15 фут., ход 18 узлов); миноносцы прибрежной обороны двух типов 320 и 150 тонн (предполагалось каждому броненосцу береговой обороны придать по 10 миноносцев) и, наконец, безбронные суда (проект адмирала Макарова).

Однако, по рассмотрении доклада совещания, было приказано создание броненосцев береговой обороны отложить на последнюю очередь.

По мере окончания постройки судов по программам 1895 и 1898 г.г. начали освобождаться стапели судостроительных заводов как казенных, так и частных. Возникло опасение за перерыв в их деятельности, сопряженный с роспуском рабочих и большим ущербом для постановки дела судостроения вообще. В виду этого, морское ведомство вошло с докладом о немедленном ассигновании средств в счет 20-летней программы, чтобы сейчас же дать заказы заводам, не допуская их остановки.

На этом докладе Николай положил резолюцию о необходимости обсудить вопрос в особом совещании, и в заключение написал: „Судостроение не может приостанавливаться без самых вредных для государства последствий“.

Особое совещание согласилось с представлением морского министерства и отпустило ему средства в размере 12 млн. рублей.

Это дало возможность заложить в 1903 году два броненосца, по 16 тысяч тонн водоизмещения для Балтийского моря („Андрей Первозванный“ и „Павел I“), два броненосца для Черного моря („Евстафий“ и „Иоанн Златоуст“), канонерскую лодку для Персидского залива и 6 миноносцев (три для Тихого океана и 3 для Черного моря).

В дальнейшем предположения о 20-летней судостроительной программе встретили препятствия из-за недостатка средств, которые фактически могли бы быть отпущены государственным казначейством.

Вследствие этого морское ведомство выработало новую программу судостроения, сроком на 10 лет.

Объяснительная записка к этой новой программе рисует идеи морского министерства в вопросе дальнейшего направления нашей морской стратегии ¹⁾.

Записка эта, освещающая вопросы, касающиеся создания морских сил на всех морях, так оценивала перспективы судо-

¹⁾ Главный Морской Архив, дело № 215 (Арх. яп. войны).

строения для Балтийского моря: „наш флот на Балтийском море низведен до ничтожества: 1) тем, что за последние 20 лет внимание и средства морского ведомства были всецело отданы возрождению черноморского флота и развитию наших морских сил на Дальнем Востоке, и 2) потому, что решение германского правительства соорудить к 1911-му году мощный флот являлось для нас неожиданностью“... „Соотношение нашего и Германского флотов показывает, что даже и при очень большом напряжении платежных сил страны мы не могли бы в близком будущем приобрести господство на Балтийском море, продолжая содержать на Дальнем Востоке флот, равносильный японскому и продолжая развивать наш черноморский флот в предположении его обособленности.

Вынужденные поэтому принять даже и против Германии оборонительный план действий на Балтийском море, мы все же должны быть свободны сосредоточить в нем в нужную пору такой флот, который, опираясь на береговые укрепления, был бы достаточен, чтобы не позволить неприятелю отважиться на крупную десантную операцию“. „Достигнуть этого одним минным флотом без линейного—нельзя ни в какой мере... наиболее удобное время года, лето, представляется совсем неудобным для минных атак, так как летние ночи в нем очень светлы и очень коротки, а дневные атаки миноносцев, при современной меткости скорострельной артиллерии, почти невозможны“.

Следовательно, основой нашей программы судостроения должна явиться организация, предусматривающая сосредоточение в нужное время нашего флота из всех трех или, если это невозможно, то, по крайней мере, из двух морей“.

„Но при возникновении спора с Германией трудно рассчитывать на такую обстановку на Дальнем Востоке, которая позволила бы отозвать в европейские воды наш Тихоокеанский флот, и совершенно невероятно возможность такой оплошности соседа, которая позволила бы выиграть время, необходимое для перехода нашего флота из Тихого океана.

Несравненно благоразумнее был бы расчет на возможность и на успех посылки, даже в самый разгар войны с Японией, всего нашего балтийского флота из Финского залива в Тихий океан, если бы в Тихом океане мы содержали только слабую эскадру, а в балтийском море флот, значительно сильнее японского.

„При надлежащей же тренировке балтийского и черноморского флотов, сосредоточение их линейных эскадр в Средиземном море

перед войной с Германией представлялось бы в той же мере возможным, как и прорыв этих соединенных сил из Немецкого в Балтийское море при соответственной согласованности балтийского минного флота ¹⁾.

Поэтому, программой намечается в ближайшем будущем значительное усиление состава линейных эскадр балтийского и черноморского флотов, уделяя на них до 70% из возможных ассигнований, в Тихом же океане удовлетворить пока лишь неотложные нужды по защите Амурского лимана и на обеспечение возможности контролировать наши интересы как по течению рек Амурского бассейна, так и на китайских реках“.

Таким образом, десятилетняя программа судостроения для Балтийского моря и Тихого океана на 1904—1914 г.г. выразилась в следующих цифрах:

Для Балтийского моря.	Для Тихого океана и Амура.
9 эск. броненосцев.	
2 брон. крейсера.	2 транспорта.
18 эск. миноносцев.	4 мореходных кан. лодки.
18 миноносцев.	10 речных кан. лодок (для Амура).
1 минный транспорт.	
10 подводных лодок.	
1 кан. лодка для Персидского залива.	

Это была последняя судостроительная программа перед русско-японской войной, которой не пришлось быть осуществленной. Остановливаясь на ней, следует отметить, что здесь выдвигалась новая точка зрения, которая никак не согласовалась с назревавшими уже событиями на Дальнем Востоке: сосредоточение всего флота вдали от Тихого океана, в Средиземном или Балтийском морях, чтобы затем „в разгар войны с Японией“ послать его на Дальний Восток. Предположение о соединении черноморского флота с балтийским также являлось необоснованным в силу международных договоров, лишавших права прохода через проливы военных судов.

Стратегические обоснования программы 1904—1914 года скрывали за собой отсутствие определенного курса в области внешней политики царской России или дурную в ней ориентировку морского ведомства.

¹⁾ Курсив наш. М. П.

Как было изложено выше, до решения Положением на Балтийском море после увода на Дальний Восток гл. сил балтийского флота. Как было изложено выше, до решения отправить главные силы на Дальний Восток, в основе обороны Балтийского моря лежало предположение о том, что Россия будет в состоянии осуществить превосходство в силах сравнительно с флотами других Балтийских государств, в том числе и Германии. В расчете на это была предпринята постройка порта в Либаве.

Между тем, конкуренция в судостроении с Германией была столь неуспешна для России, что с 1881 года не было момента, когда русские силы на Балтийском море превосходили бы таковые немцев.

Позже положение ухудшилось еще более, так как главные силы русского флота были переведены на Дальний Восток.

Постройка Либавы продолжалась, при чем не делалось ничего по подготовке и оборудованию театра для создавшихся новых условий.

Еще не будучи законченной, Либава уже потеряла свое значение для обороны. Сомнение в целесообразности этого порта существовало все время. После ухода флота в Тихий океан Либава сейчас же была признана неудовлетворяющей своему назначению и негодной как база.

Соответственно пришлось изменить и планы развертывания сил на случай войны с Германией.

Для проверки расчетов, в 1900 году состоялась в Морской Академии военно-морская игра, задания к которой были даны Главным Морским Штабом, поставившим следующие вопросы:

„1) Достаточна ли по силе и целесообразности организация обороны нашего побережья, подразумевая под ней флот, поддерживающие его береговые укрепления, чтобы не позволить германскому флоту получить обладание Балтийским морем?

„2) Какое значение могут иметь для наших сухопутных операций перерыв морских сообщений и десантные высадки на наши берега?“

Примечание. Состав сил для обороны Балтийского моря Главным Морским Штабом был указан следующий:

- 8 эскадренных броненосцев (5 устаревших типов, 3 новых),
- 3 броненосца береговой обороны,
- 8 устаревающих крейсеров,
- 2 канонерские лодки,
- 2 минных крейсера,
- 19 миноносцев в 250 тонн,
- 41 малый миноносец,
- 1 минный транспорт и яхта.

(Были введены в задание две подводные лодки, которых до того во флоте еще не было).

Германский флот учитывался в составе:

- 12 эскадренных броненосцев,
- 7 броненосцев береговой обороны,
- 22 крейсеров,
- 40 морских миноносцев,
- 8 дивизионов миноносцев прибрежных,
- 2 подводных лодок,
- 1 минного транспорта и
нескольких канонерских лодок.

Играющие отказались от Либавы, как не обеспеченного порта, расположение которого в стратегическом отношении невыгодно.

Постановление посредников гласило:

„1) При существовании одной сухопутной обороны германцы могут овладеть не только Ригой и Либавой, но даже Петербургом, и оказать существенную помощь своей армии при выборе для нее операционной линии: граница—Петербург.

2) Для того, чтобы не позволить германцам это сделать, следует иметь на Балтийском море флот, более сильный или, по крайней мере, равный германскому, способный к наступлению.

3) Флот, состоящий из больших судов, но несколько более слабый, чем у германцев, неспособен к наступлению, непригоден и для обороны. В этом последнем случае лучше заменить его минным флотом, опирающимся на ряд хорошо оборудованных, подвижных и неподвижных станций.

4) Либава может иметь значение лишь как база для наступления более сильного, чем у германцев, флота. При обороне ее в ней с пользой может быть помещена лишь сильная минная флотилия, которую нельзя заблокировать, и которая способна действовать наступательно против германских линий сообщения, если бы германцы, не взявши Либаву, решились двинуться в Рижский или Финский заливы.

5) Необходимо создать первоклассный укрепленный порт в Моонзунде и, если в Балтийском море имеется флот из больших судов, необходимо углубить проход в Рижский залив. Помимо того, что Моонзунд представляет превосходную центральную позицию для русского флота, если он останется неиспользованным и неукрепленным, им непременно завладеют германцы и все выгоды владения этой позицией окажутся на их стороне. В случае успеха наших армий их очень трудно будет выбить с позиции, расположенной на острове. Между тем, если бы этой позицией владели мы, то мы могли бы по тем же причинам ее сохранить и в том случае, если бы все побережье оказалось в руках германцев, тогда как Либава и Свеаборг в этом случае оказались бы потерянными для флота“.

В процессе разбора игры руководителем последней, адмиралом Фелькерзамом, была высказана мысль о целесообразности размещения главных сил флота в Свеаборге.

Таким образом, идея плана 1894 года была откинута.

Вопрос об обороне Балтийского моря вновь возвращается в то положение, в каком он был до 1889 года.

Дальнейшее развитие идей обороны, выдвинутых военно-морской игрой, мы видим в плане развертывания балтийского флота, составленном Главным Морским Штабом в 1903 г.

Собственно говоря, это не был план, так как вообще в морском ведомстве в то время планов войны не составлялось; это была записка начальника ученого отдела Главного Морского Штаба, капитана I-го ранга Брусилова, на которой имеется резолюция управляющего морским министерством адмирала Авелана: „Интересная и очень дельная записка, необходимо ее, однако, обсудить со всех сторон как в отношении личного состава, судового состава, так и денежных средств, могущих привести ее к благоприятному решению“.

Предположения Проект плана 1903 года так учитывает 1903 г. о развер- политическую сторону:

тывании бал- „Главный наш противник в Балтике—
тийского флота. Германия, но, вырабатывая план войны, нужно брать наиболее невыгодные условия, а потому следует предположить, что Германия будет в союзе со скандинавскими государствами: Швецией, Норвегией и даже Данией, и, кроме того,—еще с Англией.

Из имеющихся в делах Главного Морского Штаба документов различных комиссий, рассматривавших вопросы по обороне государства, усматривается, что все военные авторитеты опасаются действий неприятеля во фланг нашей сухопутной армии, помощью десантов, высаженных на побережье Балтийского моря“.

Отсюда вытекает задача флоту: „воспрепятствовать неприятельскому флоту произвести высадку десантного отряда на наше побережье, каковая наиболее вероятна у Виндавы и в Рижском заливе, а может быть и в Финском заливе, а потому, следовательно, необходимо во что бы то ни стало запереть вход в Рижский залив...“

Считаясь с тем, что германский флот значительно превосходит силы русского, план констатирует необходимость отказаться от встречного боя в открытом море, ограничиться лишь обороной, придав ей возможно активный характер.

В плане содержится указание, что на Либаву нельзя рассчитывать: „Либава может служить опорным пунктом только сильнейшему флоту для действия против германского побережья и в открытом море. Если с объявлением войны наш флот останется в Либаве, то может быть там заблокирован,

что по местным условиям может быть сделано очень легко, и останется в бездействии всю кампанию“.

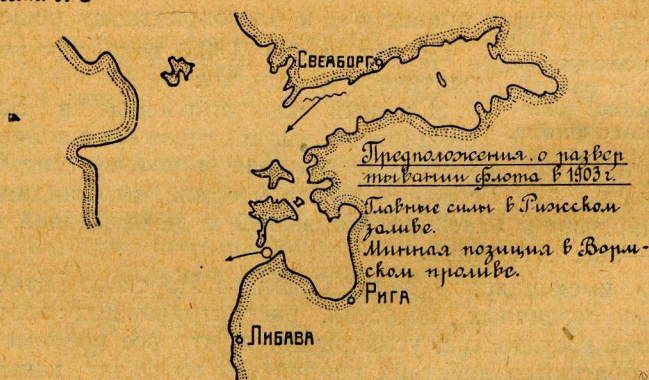
Указывалось, что „флоту в день объявления войны необходимо быть у входа в Рижский залив, у Михайловских банок, имея часть миноносцев у входа в Финский залив“.

Минным отрядам было назначено, базируясь на Барезунд и Оландские шхеры, действовать во фланг и тыл противнику, форсирующему вход в Финский залив.

Затем план указывал на необходимость оборудования военного порта в Моонзунде; а до того времени—флоту питаться и обслуживаться плавучей базой в Рижском заливе, имея все нужное погруженным на транспорты.

Соответственно предположениям плана, дислокация главных сил флота должна быть изменена: из Либавы—на Гельсингфорс и Ревель (см. схему 5 и карту).

Схема № 5

Совместное
обсуждение во-
просов обороны
с военным ве-
домством
в 1903 году.

В 1903 г., независимо от работ Главного Морского Штаба, военным ведомством, по инициативе генерал-квартирмейстера Генерального Штаба ген.-м. Жилинского, был также возбужден вопрос об обороне балтийского побережья.

По этому поводу 2 июня 1903 г. состоялось совещание под председательством начальника Главного Штаба ген. Сахарова.

Большинство постановлений совещания не имели принципиального значения, они сводились к пожеланиям организации наблюдательных пунктов, развития радиотелеграфа, придания отрядам сторожевых судов прибрежным сухопутным отрядам и общим указаниям относительно использования минного флота для противодействия десантным операциям противника.

Но при этом были высказаны суждения относительно сроков, на которые должен был быть задержан балтийским

флотом неприятельский десант в целях обеспечения сосредоточения армии для отражения такового. Была также уточнена и задача обороны. Указывалось, что гарнизоны крепостей мобилизуются к концу второй недели, а полевые войска — к концу третьей недели. Генерал Сахаров заявил, что „этот период надо считать критическим; в течение его наиболее желательна и необходима помощь со стороны флота. Главнейшей целью его действий является затруднение выполнения какой бы то ни было десантной операции, так как таковая в этот период могла быть произведена почти без помехи со стороны сухопутных войск“.

Здесь впервые точно были фиксированы сроки необходимой задержки неприятельского десанта; они сохранили свое значение, как то будет сказано ниже (в V главе), и для заданий балтийскому флоту в период, непосредственно предшествовавший мировой войне.

Заключение. Рассмотренный период истории русского балтийского флота дает основание сделать следующие выводы:

1) Поставленная царской Россией в 1881 году задача преобладания на Балтийском море создала конкуренцию в судостроении с Германией. Задуманные широкие программы усиления балтийского флота постоянно встречали препятствия при их осуществлении, в виде недостаточных ресурсов, коими располагало морское ведомство. Русское судостроение опаздывало в сроках и спорадически подвергалось сокращению. Германия же, принявшая „закон о флоте“, забронировав тем кредиты для его развития, успешно и планомерно создавала последний.

Отвлеченная событиями на Дальнем Востоке, Россия не оставила своей первоначальной идеи о преобладании на Балтийском море, и когда программа усиления тихоокеанского флота приблизилась к осуществлению, она вновь возвратилась на путь конкуренции с Германией. Накануне русско-японской войны (1903 г.) создаются планы, имеющие прежде всего эту цель. Масштаб и характер последних не отвечал ни политической обстановке, ни требованиям стратегии (сосредоточение всех сил в Балтике или Средиземном море накануне войны с Японией), ни, наконец, реальным возможностям их осуществления.

2) При каждом случае обсуждения задач флота в период после 1881 года возникают в самом морском ведомстве глубокие противоречия во взглядах руководящих лиц.

Вопрос о постройке порта и связанный с ним план обороны, перемена уже принятых решений, вопрос о сосредоточении сил на Дальнем Востоке, а равно и суждения о том,

каков должен быть флот—характеризуют полную неустойчивость взглядов морского ведомства.

3) Это же заключение можно сделать и относительно внешней политики царской России, поскольку таковая отражалась в виде заданий флоту. Задания, будучи точно формулированы в 1881 году, в последующем утратили свою ясность. Это в особенности видно к концу периода, когда мы наблюдаем морское ведомство как бы на распутье, между двумя направлениями—на Германию и на Японию, что нашло себе выражение в записке Главного Морского Штаба 1903 г.

Постоянные поправки, перемены и дополнения к программам в еще большей степени подтверждают сказанное.

4) Характерно отметить, что двойственность задачи Балтийского моря, формулированной известным постановлением совещания 1881 года, затем, с изменением политической обстановки и задач флоту, ведет к разрыву двух тенденций, сочетавшихся в задании: активной и оборонительной. Вопрос обороны Балтийского моря остается постоянно на втором плане. Как только возникает мысль об активном использовании флота вне Балтийского моря, он не получает решения и остается открытым. Паллиативом является минная оборона, предлагаемая каждый раз, но ни разу не осуществленная в полной мере. Отсутствие же надлежащих оборонительных мероприятий на Балтийском море влекло за собой необеспеченность тыла нашего активного флота и сдерживало необходимое заблаговременное сосредоточение на Дальнем Востоке.

5) Принятое решение о постройке порта в Либаве, как то было указано, при отсутствии сил на Балтийском море, которые превосходили бы таковые противника, являлось ошибочным. Между тем, постройка порта в другом месте, будучи согласована с задачами обороны против сильнейшего врага, значительно обеспечила бы последнюю, и дала бы ей опору.

Стратегическая обстановка на Балтийском море заставила отказаться от оперативного использования Либавы ранее, чем она была закончена, и оборона Балтийского флота была поставлена в условия, в каких она была до 1881 года.

6) Поскольку прочна была организация флота и морского ведомства, каковы были боевые качества наших морских сил, показала русско-японская война, закончившаяся полным поражением балтийского флота в Тихом океане. Среди причин этого поражения приходится особенно выделить отсутствие планомерного и систематического руководства развитием флота, неопределенность его задач и общую расхлябанность аппарата морского ведомства, которую можно видеть даже из этого краткого очерка истории создания балтийского флота с 1881 по 1905 год.